

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Критическая полемика вокруг повестей Е. Н. Чирикова «Инвалиды» и «Чужестранцы»

Е. Н. Чириков был одним из популярнейших литераторов своего времени, запечатлевшим трагический перелом в общественном умонастроении (измельчение и «устаревание» народнической идеологии и смену ее «новыми настроениями»). В 90-е гг. XIX в. он — кумир молодежи. В девяностые — заслужил широкую известность как писатель ярко выраженной демократической ориентации¹. Его произведения были хорошо известны в кругах демократической интеллигенции, пьесы шли на сценах многих театров (в том числе МХТ, некоторые с успехом ставились за границей). В 1901—1909 гг. в издательстве «Знание» вышло собрание сочинений Чирикова в 8-ми томах, на страницах одноименных сборников регулярно появлялись его произведения. А в 1910—1916 гг. Московское книгоиздательство выпустило уже 17-томное собрание его сочинений.

Несмотря на этот факт отношения с критикой у писателя всегда были непростые. «Критики меня никогда не любили, — писал сам Чириков к В. А. Поссе. —... Уж, кажется, веду себя скромно, а вот поди же...»².

Действительно, мнения современников противоречивы, оценки подчас колеблются от признания до полного отрицания его писательского дарования. Впрочем, и в словах тех, кто признает литературное мастерство Чирикова, чувствуется некоторая доля снисходительности: «Поговорить о г. Чирикове стоит хотя бы уже потому, что это писатель, безусловно, талантливый. Если у него и небольшой талант, то все же талант настоящий, а не подделка какая-нибудь, не фальсификация»³, «пишет недурно, довольно талантливо, живо и никогда не упуская... правды в изображении действительности»⁴.

Основными признаками писательской манеры Чирикова современники непременно называли иронию, правда, «местами грубоватую»⁵, и наблюдательность⁶. «Чириков правдив, хорошо и верно наблюдает, схватывает массу деталей — и непредвзятым взглядом, — умеет и скомпоновать картину, и осветить ее удачно брошенным солнечным лучом»⁷, — отмечал А. Амфитеатров. В то же время регулярно встречаются упреки в «ребячливости» и «балагурстве»⁸, отсутствию глубокого психологического анализа и стремлении лишь к

внешнему сходству с изображаемым. Порой звучат и вовсе уничижительные оценки. «Что-то вроде маленького Боборыкина, — вечно трудолюбивое, кропотливое, мелочное. И все это не идет дальше внешности, не углубляется в психологические переживания, скользит по верху, порхает и, как теперь принято говорить, “чирикает”», — писал Ю. Александрович⁹. Другой критик, настроенный по отношению к писателю более лояльно, тем не менее вынужден был признать, что «художественный талант Чирикова невелик. В области художественной формы он не является ни начинающим, ни мастером»¹⁰. Еще в одном из отзывов было трезво замечено, что, хотя Чирикова охотно читают, он «не из таких писателей, которых можно перечитывать»¹¹ (кстати, весомое отличие беллетристического произведения от того, которое поднимается выше уровня беллетристики).

В критике 1890—1910-х гг. обнаруживается большое количество статей и рецензий по творчеству Е. Н. Чирикова. Но эти многочисленные отклики в большинстве своем представляют лишь поверхностный анализ отдельных произведений автора, а обзорные статьи заключают в себе в основном общие характеристики или краткие справки, касающиеся биографии писателя и этапов его творчества. Из довольно-таки крупных работ о Чирикове можно назвать следующие: отдельную главу в «Русской литературе XX века» под редакцией С. А. Венгерова (Дерман А. Е. Н. Чириков // Русская литература XX века. М., 2000. Т. 2, переиздание), большую статью Т. Ганжулевич из цикла «За чертой индивидуализма» (Наука и жизнь. 1905. № 9), где анализируются рассказы 80-х—начала 90-х гг., две важнейшие повести писателя — «Инвалиды» и «Чужестранцы», его пьесы, а также разбираются его основные художественные приемы. Статьи о нем помещены также в LXXVI томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1903) и «Галерее русских писателей» Скимунта (М., 1901). «Первые литературные шаги» Чирикова описаны в книге автобиографий Ф. Ф. Фидлера (М., 1911). Имя писателя упоминается в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1908—1912) и в «Истории новейшей русской литературы» Ю. Александровича (М., 1911, ч. 1) и др. Обобщая характеристики, данные Чирикову и его творческой манере современниками, можно сделать вывод, что его ранние произведения воспринимались в русле продолжения традиции «великих предшественников». Общее мнение было таково: Чириков — «художник, на котором всякого рода литературные веяния отпечатывались очень наглядно» (такую формулировку его творческого облика предложил один из исследователей уже в наше время¹²).

В первую очередь указывалось на влияние Н. В. Гоголя. Обращение к созданному Гоголем персонажам многократно заявлялось прямыми авторскими параллелями в рассказах. На сходство фабулы и образов, а также особенности языка и юмор обратил внимание Л. Н. Толстой, сказав, что в рассказе «В лощине меж гор» «пробивается настоящий гоголевский юмор»¹³. Критики находили еще одну литературную аналогию — А. П. Чехов и его «футлярные люди». Основанием для такого сопоставления служило то, что литературная деятельность Е. Н. Чирикова началась со второй половины 80-х гг. в «глухой провинции»¹⁴, и он с первых рассказов начал подробно разрабатывать мотив противостояния живой личности и чуждой, равнодушной среды, погребавшей эту личность под собой (за что получает звание «знатока провинции»). Главный вывод, к которому приходит писатель, — интеллигентный человек пасует перед средой, вынужден «капитулировать», после чего духовно умирает. Поскольку в таком ключе прочитывалось чеховское творчество, критики улавливали несомненное сходство. Проводилась параллель и с Ф. М. Достоевским. Например, рассказ «Калигула», представляющий собой страничку «из жизни маленького чиновника», по мнению нескольких рецензентов, был написан «в духе «Бедных людей»¹⁵. В нем улавливали «возмущение человека из подполья за унижение своей личности, прорвавшийся, наконец, накипевший в душе протест и глухое, робкое при этом торжество таких же оскорбленных и униженных»¹⁶.

Вместе с тем, характеризуя его ранние произведения, критики, например Н. К. Михайловский, неоднократно замечали, что «такой даровитый писатель разбрасывается на случайные темы, что нет в его распоряжении такой точки зрения, которая помогла бы ему ориентироваться в бесконечно разнообразных явлениях жизни, отличать в них важное и неважное, ...и вместе с тем и ему самому придавала бы определенно-индивидуальный облик»¹⁷.

Если даже согласиться с этой характеристикой, то можно смело утверждать, что в конце 90-х гг. Чириков находит свою тему. Появляется его знаменитая повесть «Инвалиды» (1897). В ней анализируется состояние человека, старого народника Крюкова, утратившего жизненные ориентиры в связи с нравственно-общественной перестройкой, которая произошла с людьми, исповедовавшими народнические идеалы. Тема была выстрадана: Чириков хорошо владел материалом, поскольку сам был ярким народником и даже пострадал за свои убеждения. Но писатель прибегает не к трагическому освещению сложившейся ситуации, а показывает комические последствия «отставания»

героя от требований времени. Следование умозрительным верованиям, владевшим интеллигенцией в 1870-х гг., и полное незнание реальной жизни постоянно приводит Крюкова к тому, что он попадает в трагикомические положения. В конце концов, все планы героя рушатся, и он приходит к осознанию своей ненужности. В то же время Чириков пытается найти «противовес» неудачнику Крюкову. Он выводит на сцену достаточно новый для литературы 90-х гг. персонаж — носителя марксистского мирозерцания, — который скептически воспринимает речи либеральных интеллигентов и резко критикует народников, по его мнению, лишь «ноющих и плачущих»¹⁸. Надо заметить, что в русской литературе рубежа XIX—XX вв. марксист становился своеобразным «типом времени», а типичной сюжетной ситуацией — столкновение, идеологический спор народников и марксистов¹⁹. Этой теме был посвящен ряд произведений других авторов, например, «Без дороги» (1895) и «Поветрие» (1897) В. В. Вересаева, «По-другому» (1897) П. Д. Боборыкина, «Карьера Струкова» (1895—1896) А. И. Эртеля.

Но именно повесть Чирикова вызвала яростные споры, возможно, потому, что в ней чувствовалось не «объективное» бытописание, а глубокая заинтересованность автора в сути перемен, в способах и возможности разрешения мировоззренческого конфликта. И как итог — в разных критических «станах» она была принята неоднозначно, мнения полярно разделились.

Появление «Инвалидов» вызвало резкое негодование народнической критики и послужило причиной разрыва Чирикова с журналом «Русское богатство», в котором писатель начинал свой творческий путь. Народники однозначно решили, что симпатии Чирикова на стороне марксиста Игнатовича, и заподозрили его в погоне за сенсационностью. Н. К. Михайловский увидел в повести «опыт художественного оплевывания идеалов отцов и дедов»²⁰ и прямо обвинил художника в том, что, выбрав для изображения сферу, которая имеет «свою особую и... довольно длинную историю», он, не потрудившись хоть сколько-нибудь изучить ее, намеренно все исказил²¹. Несогласие их вызвало поверхностное понимание народнической программы, сведение ее исключительно к понятиям общины и артели.

А. Скабичевский заявил, что от повести веет «запахом Страстного бульвара» и окрестил Чирикова «лакеем с головы до ног», который, поступив на службу к новым господам (т. е. склоняющемуся к марксизму «Новому слову»), тут же преисполняется неистовой злобы к господам старым²². Другой критик прямо утверждал, что цель автора

заклучалась в том, чтобы доказать, что идеи Крюкова ложны, тем самым угодив редакции «Нового слова»²³, для чего он заставил этого героя даже действовать «вопреки своей природе». А. Мякотин назвал персонажа «Инвалидов» «деревянной марионеткой, двигающейся по воле автора», а саму повесть — «плохим анекдотом»²⁴.

Надо признать, что все оценки и суждения, доносящиеся из лагеря народников, во многом повторяют друг друга. И Михайловского, и Скабичевского, и Потапова, и Мякотина возмутило, например, сатирическое, по их мнению, описание внешности Крюкова, сравнение его с «сошедшим со сцены тенором оперы» (120), или упоминание, что в кругу друзей «Крюков наскоро решил все “вопросы” и присоединился к программе деятельности по формуле “все для народа и все посредством народа”» (120). «Народникам казалось, что, насмехаясь над “жалким и смешным чудачком” Крюковым, Чириков насмехается и над подвигом, который тот без сомнений и колебаний совершал “неуклонно в течение всей жизни”»²⁵. Напротив, в лагере либеральной критики появились положительные отклики. «Мы совершенно не разделяем той горячности тона и той запальчивости, с которыми <...> критик, г. Потапов, распинает г. Чирикова за его пресловутых “Инвалидов”, собственно за карикатурное изображение в лице Крюкова слабостей народничества... Нам кажется, что... только по недоразумению Крюков представляется до сих пор злостной и возмутительной карикатурой... Мы не видим в нем ничего глупого или смешного»²⁶, — писал один из литературных обозревателей. В Крюкове скорее склонны были увидеть трагическую фигуру, его и ему подобных персонажей назвали «печальными и бледными призраками минувшего прошлого», одоблив то, что автором затрагивается одна «из самых печальных сторон русской жизни» — умственное и нравственное шатание российского общества в 1890-х гг.²⁷. Особенно пронизателен оказался А. Богданович, сам колебавшийся между народничеством и марксизмом. Он связал фигуру Крюкова с историческими и литературными прототипами, указав, что перед читателем предстает своеобразный Дон Кихот времени, пусть и «расшатанный физически, с надорванными силами», не способный, как и его испанский собрат, осуществить ничего дельного на пути искреннего служения народу, но по-прежнему стоящий «смелым и высоким идеалистом перед лицом всего окружающего общества, отличительная печать которого — пошлость»²⁸. И, таким образом, образ Крюкова на фоне разнообразных мелких бытовых интересов и стремлений оказывается, по его мнению, «трогательным и почти трагическим»²⁹.

Было также обращено внимание на сложность авторской позиции: изображая «повальную практическую несостоятельность идеалистов, Чириков тем не менее ни секунды не сомневается “в справедливости и жизненности самого идеала”»³⁰. А Н. Ладожский назвал эту повесть «прекрасной во всех отношениях», где «вопрос о новых людях» освещен вполне правильно и широко»³¹.

Все критики подходили к повести Чирикова в первую очередь как к «идеологическому» свидетельству происходящих в обществе процессов. Поэтому особенно много споров вызвал эпизод, в котором Крюков на следующий день после скандала и перепалки с Игнатовичем пишет письмо оскорбившему его молодому человеку, где прощает ему все грубые слова и сознается в своей «окончательной бесполезности» (189). Некоторые критики увидели в этом поступке несомненное подтверждение того, что «симпатии автора» не принадлежат «мягкосердечным, симпатичным, но мертвым народникам»³². Другие указывали на неестественность и натянутость концовки, потому что, будучи убеждены, что Чириков увлекся «новым словом» (марксизмом), они делали вывод, что он избрал «крикливое амплуа партийного подголоска»³³. Так, одного из рецензентов удивило поведение Крюкова, который, пройдя «огонь и медные трубы», вдруг впадает в бешенство от оскорбления молоденького «неоперившегося» марксиста. «Признать себя побежденным на основании одного этого слова (так как из спора ничего подобного не вытекает)», считает этот критик, «Крюков мог только по наущению г. Чирикова»³⁴. Не согласился с ним Скабичевский, который написал, что в конце жизни Крюков совершил, может быть, самый трудный подвиг на свете, — «подвиг любви и прощения»³⁵.

И хотя многие современные Чирикову исследователи литературы утверждали, что автор, являясь «законным дитя марксизма» и «не скрывая своего сочувствия» ему³⁶, в данной повести намеренно высмеял народников³⁷, от лагеря, сочувствующего марксизму, выступил только Е. А. Соловьев-Андреевич, выразивший недовольство неуважительным отношением в повести Чирикова марксистов к народничеству, которому они многим обязаны³⁸. В целом же критика рубежа веков вполне справедливо упрекала писателей в том, что марксисты в их художественных произведениях проявляют себя лишь в дискуссиях, а не показаны в практическом деле. Это можно объяснить тем, что писатели-демократы еще не имели четкого представления о шедшем на смену народничеству марксизме. Поэтому справедливым представляется мнение К. Медведского, правда, прозвучавшее со страниц

консервативных «Московских ведомостей», что у Чирикова марксист получился «ходульным и выдуманым»³⁹.

И все же несмотря на идеологическую вражду и либеральная, и народническая критика, сходились во мнении, что, пытаясь изобразить «новейшие течения и направления», автор ставит перед собой слишком сложную задачу, которая ему не по силам. В результате, произведение приобретает крайне «нехудожественную, грубую тенденциозность»⁴⁰. Как замечал один современник, цели Чирикова «всегда ясны, ибо он изображает не только из художнической потребности, но также и главным образом из чисто публицистических побуждений: обличать зло. Он принадлежит к разряду писателей-популяризаторов, которые заботятся не столько о глубине и законченности своих образов», сколько о воспроизведении уже знакомого, «которые стремятся более или менее готовым жизненным обобщениям придать наиболее наглядный и доступный характер»⁴¹. Он не в состоянии справиться с изображением новых сторон жизни.

Действительно, на творчество Чирикова оказала определенное влияние натуралистическая традиция с характерной для нее «смесью образа и публицистики», «боевой демократической тенденциозностью»⁴². И сам писатель соглашался: «Я вышел на литературный путь в конце 80-х гг., еще под флагом революционного народничества, получив свое крещение от так называемых “писателей-общественников”, лозунгом которых была некрасовская заповедь: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...”»⁴³. Однако трудно согласиться со столь однозначным выводом критики, согласно которому, создавая это произведение, Чириков ставил себе целью утвердить прогрессивные убеждения одного персонажа и ниспровергнуть несостоятельные теории другого. И даже признание и самохарактеристика писателя не есть свидетельство несомненности этих выводов.

Несколько разрядил обстановку, в которой обвинения Чирикову звучали с разных сторон, Михайловский, который в итоге заметил, что приговор тому или иному персонажу вынес не писатель, а сама действительность, безжалостно посмеявшаяся не только над Крюковым, но и над Игнатовичами, «которые оказались «чужестранцами» в родной стране»⁴⁴. Таким образом он намекнул на другую повесть Чирикова — «Чужестранцы» (1899), обосновывающую чужеродность марксизма русскому сознанию в целом, что, по сути, опровергало вынесенные ранее суждения о симпатии писателя к новому учению.

«Чужестранцы — это группа молодых людей, привыкших вести осмысленную и полную идейного содержания жизнь и очутившихся по разным “независящим обстоятельствам” далеко от столицы в провинциальном городе»⁴⁵, — так охарактеризовал центральный круг персонажей этой повести критик А. Скляр, подсказавший таким образом читателям, что речь идет о ссыльных и поднадзорных. Они резко отделены «от коренного населения»⁴⁶, поскольку чувствуют себя «в лишенной умственных интересов провинции», точно рыбы без воды. Ведь их окружает «сытое и самодовольное, праздное и пошлое провинциальное общество, развлекающее себя игрой в благотворительность, любительскими спектаклями, спиритическими сеансами и пуще всего интрижками»⁴⁷. Все их попытки всколыхнуть это «провинциальное болото», пробудить сознание обывателей, приобщив их к животрепещущим вопросам современности, превратив издающуюся в городке развлекательную газету в серьезное экономико-политическое издание, проваливаются. Автор повести довольно иронично характеризует их усилия по осуществлению этого проекта: «Большинство подписчиков были недовольны “Вестником” под новой редакцией. Сотрудники распинаясь, чтобы сделать из газеты орган с цельным направлением, орган серьезный: они помещали там длинные экономические статьи, переводы с немецкого, полемизировали с далекими противниками по принципиальным вопросам и думали, что каждый номер для всех так же интересен, как для них самих... А обыватель засыпал над «скучной материей», бесчисленными цифрами, фактами, ругался, встречая много непонятных научных терминов, и удивлялся непонятной полемике из-за каких-то там «факторов» политических, экономических или нравственных, до которых ему не только не было никакого дела, но о существовании которых он подчас даже и не подозревал вовсе...»⁴⁸. Тем самым Чириков показывает и глубину невежества русской провинции, и оторванность и непонимание основ русской жизни идейными «гастролерами».

«Чужестранцев» можно рассматривать как своеобразное продолжение «Инвалидов», где представлена точка зрения представителей как раз нового течения, сплоченных и объединенных не только одной идеей, но и общим делом, так что впечатление инвалидности они, по мнению Богдановича, не производят⁴⁹. (Думается, однако, что «инвалидами» Чириков считал как раз Крюкова и иже с ним, что опять же говорит о неглубоком прочтении замысла повести современной писателю критикой!). Однако в отличие от предыдущей эта повесть не привлекла к себе особого внимания критиков, несмотря на то, что

имела большой читательский резонанс. Спустя много лет М. Горький в письме в И. А. Груздеву вспоминал: “Чужестранцы” вызвали широчайший отклик — редакция “Жизни” получила за два, три месяца около 500 писем на имя Чирикова, а он говорил, что у него за год накопилось до двух тысяч. По тем временам это — много»⁵⁰.

Однако подытожим критические отклики. А. Измайлов писал, что повесть «производит неясное и неотчетливое впечатление. Если герои — дельные и серьезные люди, то как объяснить в таком случае их жестокое поражение, их непригодность к жизни, сведение к нулю их деятельности?»⁵¹. Богданович заметил, что это произведение оказалось «самым плохим по выполнению»⁵². А Михайловский по традиции заявил, что Чириков вновь совершает «легкомысленно-ребячливые экскурсии в область нравственно-политических вопросов»⁵³.

Казалось бы, действительно, идейные устремления «чужестранцев» близки и дороги Чирикову. Но утверждать, что симпатии писателя исключительно на стороне представителей нового идеологического течения, все же нельзя. Его позиция намного сложнее. Говоря о непрактичности, идеализме, порой даже некоторой зашоренности взглядов народников, их отказе видеть неотвратимо наступающие изменения, Чириков в то же время отмечает ряд отталкивающих черт и у представителей марксистской идеологии, рисует их самоуверенность, надменность, а порой и просто агрессию по отношению к инакомыслящим. На это указал А. Богданович, отметив, что «автор не становится на ту или другую сторону», в его произведении нет ни «нарочитого осмеяния народничества», ни «прославления марксизма»⁵⁴.

Так, наметилась тенденция, которая в последующие годы станет ведущей в творчестве писателя. Стремление встать над схваткой, не искать ни правых, ни виноватых, занять позицию Высшего судьи, что ярче всего воплотилось впоследствии в одном из самых глубоких романов Чирикова — «Зверь из бездны», посвященном осмыслению произошедших с Россией трагических событий 1917 года и Гражданской войны, и что не было осознано современной писателю критикой. Но, надо сказать, не только критики-народники и критики-марксисты оказались столь непроницательны. Та же история повторилась и со «Зверем из бездны»: писатель вновь не был понят критикой. Более того, роман вызвал громкий скандал, Чирикова обвинили в клевете на белое движение, а в эмигрантской печати возникла целая кампания за запрет этого произведения.

И подводя итог, мы можем указать только на одно критическое высказывание, которое говорило о подлинно художественной природе

произведений Чирикова: А. Богданович настаивал на том, что если бы герои Чирикова «не имели ни одной живой черточки и автор ограничился бы чисто внешним описанием их», то критика никогда не была бы так пристрастна⁵⁵.

Примечания

- ¹ См.: Михайлова М. В. Размышления над понятием «второстепенный писатель»: судьба Чирикова // Забытые и второстепенные писатели XVIII—XIX веков как явление европейской культурной жизни. Псков, 2002. Т. 1. С. 87.
- ² Цит. по: Карпов И. «Маленькая польза» Евгения Чирикова // Казань. 1995. № 9/10. С. 54.
- ³ Потапов А. И. О г. Чирикове // Русское богатство. 1900. № 2. С. 167.
- ⁴ Николаев П. Ф. Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902. С. 444.
- ⁵ Галерея русских писателей. М., 1901. С. 545.
- ⁶ См.: Энциклопедический словарь (изд. Брокгауза и Эфрона). СПб., 1903. Т. LXXVI. С. 857.
- ⁷ *Old Gentleman (Амфитеатров А. В.)*. Литературный альбом // Россия. 1900. № 277. С. 3.
- ⁸ Михайловский Н. К. Последние сочинения. СПб., 1905. Т. II. С. 146.
- ⁹ Александрович Ю. После Чехова. М., 1908. С. 68.
- ¹⁰ Щеголев П. Е. Н. Чириков // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 18. С. 789.
- ¹¹ Беллетристика // Русская мысль. 1900. № 8. С. 275.
- ¹² Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 188.
- ¹³ См.: Каменских Е. В. Раннее творчество Е. Н. Чирикова в контексте традиции русской литературы // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж, 2000. Т. 2. С. 60.
- ¹⁴ Дерман А. Е. Н. Чириков // Русская литература XX века. М., 2000. Т. 2. С. 449.
- ¹⁵ Потапов А. И. О г. Чирикове // Русское богатство. 1900. № 2. С. 169.
- ¹⁶ Ганжулевич Т. За чертой индивидуализма // Наука и жизнь. 1905. № 9. С. 122.
- ¹⁷ Михайловский Н. К. Последние сочинения. СПб., 1905. Т. II. С. 146.
- ¹⁸ Чириков Е. Н. Инвалиды // Чириков Е. Н. Повести и рассказы. М., 1961. С. 183. Далее цитаты из этого произведения приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ¹⁹ Русская литература рубежа веков (1890—1920). М., 2001. Т. 1. С. 214.
- ²⁰ Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1899. № 2. С. 99.
- ²¹ Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1902. № 1. С. 113.
- ²² Скабичевский А. М. Текущая литература // Сын Отечества. 1897. № 324. С. 2.
- ²³ Медведский К. Литературные заметки // Московские ведомости. 1897. № 313. С. 3.

- ²⁴ *Мякотин В. А.* Новые слова о старых деятелях // Русское богатство. 1897. № 11. С. 114.
- ²⁵ *Скабичевский А.* Библиографический отдел // Русская мысль. 1897. № 11. С. 465.
- ²⁶ *Геккер Н.* Журнальное обозрение // Одесские новости. 1900. № 4906. С. 2.
- ²⁷ Из русских журналов // Русский вестник. 1897. № 11. С. 359–360.
- ²⁸ *А. Б. (Богданович А. И.)* Критические заметки // Мир Божий. 1900. № 4. С. 6.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Old Gentleman (Амфитеатров А. В.)*. Литературный альбом // Россия. 1900. № 277. С. 2.
- ³¹ *Лидожский Н. (Петерсен В. К.)* // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. № 260. С. 2.
- ³² *Скляр А.* Евгений Чириков. Очерки и рассказы // Образование. 1900. № 5. С. 91.
- ³³ *Потапов А. И.* О г. Чирикове // Русское богатство. 1900. № 2. С.
- ³⁴ *Ганжулевич Т.* За чертой индивидуализма // Наука и жизнь. 1905. № 9. С. 119.
- ³⁵ Там же. С. 511.
- ³⁶ *Александрович Ю.* После Чехова. М., 1908. С. 69.
- ³⁷ История русской литературы XIX века // Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1908–1912. С. 23.
- ³⁸ *Скриба (Соловьев-Андреевич Е. А.)*. Литературная хроника // Новости. 1897. № 299. С. 2.
- ³⁹ *Медведский К.* Литературные заметки // Московские ведомости. 1897. № 313. С. 3.
- ⁴⁰ *Скляр А.* Евгений Чириков. Очерки и рассказы // Образование. 1900. № 5. С. 90.
- ⁴¹ *Дерман А. Е. Н.* Чириков // Русская литература XX века. Т. 2. С. 449.
- ⁴² *Каминский В. И.* Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. Л., 1979. С. 177.
- ⁴³ *Чириков Е. Н.* На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.-СПб., 1993. № 3. С. 295.
- ⁴⁴ *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1902. № 1. С. 113.
- ⁴⁵ *Скляр А.* Евгений Чириков. Очерки и рассказы // Образование. 1900. № 5. С. 92.
- ⁴⁶ *Дерман А. Е. Н.* Чириков // Русская литература XX века. Т. 2. С. 457.
- ⁴⁷ *Скляр А.* Евгений Чириков. Очерки и рассказы // Образование. 1900. № 5. С. 92.
- ⁴⁸ *Чириков Е. Н.* Чужестранцы // Чириков Е. Н. Очерки и рассказы. СПб., 1900. Т. II. С. 304.
- ⁴⁹ *А. Б. (Богданович А. И.)* Критические заметки // Мир божий. 1900. № 4. С. 9.
- ⁵⁰ *Архив А. М. Горького.* Т. 11: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966. С. 345.
- ⁵¹ *Измайлов А.* Литературное обозрение // Биржевые ведомости. 1899. № 257. С. 2.
- ⁵² *А. Б. (Богданович А. И.)* Критические заметки // Мир божий. 1900. № 4. С. 9.
- ⁵³ *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1902, № 1. С. 113.
- ⁵⁴ *А. Б. (Богданович А. И.)* Критические заметки // Мир божий. 1900. № 4. С. 6.
- ⁵⁵ *А. Б. (Богданович А. И.)* Критические заметки // Мир божий. 1898. № 1. С. 1.